

УДК 327.8: 323 (575.2) (04)

СООТНЕСЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

И.В. Федяй – докт. филос. наук, профессор,

С.Г. Иванов – канд. полит. наук, докторант

Рассматриваются взаимосвязь, взаимовлияние и взаимопроникновение религиозной, экономической и политической социентальных подсистем в современном кыргызском обществе.

Ключевые слова: Кыргызстан, теологическое, политическое, экономическое, соотнесение.

Изменение взаимоотношений экономики и политики проявляются в том случае, когда наблюдается резкое повышение роли одной из сторон и другая не в состоянии остановить растущие амбиции первой. Именно такое резкое изменение произошло в Кыргызстане в новейшее время после 1991 г. Одним из основополагающих положений трансформационных изменений было и до сих пор остается дерегулирование государственного вмешательства в экономике. Изначально – это полное невмешательство государства в экономические процессы, основанное на монетаристских принципах. Сегодня – это осознание необходимости ограниченного усиления роли государства, базирующееся на принципах кейнсианства.

С утверждением экономики в постсоветских странах в качестве самостоятельной самоорганизующейся системы в обществе появились условия для усиления политической инстанции. С одной стороны, усиление влияния политики на экономику имеет объективный, подтвержденный практикой необходимый характер. С другой – это субъективные интересы и амбиции отдельных политических индивидов. При этом “наступление” политики на экономику имеет тенденцию наращивания. Противоречие между политическим как производным от экономического и политическим, как “наступающим” на экономическое, продолжает быть источником внутреннего развития общественного целого.

Необходимость политического лоббирования экономических интересов бизнеса обуславливает заинтересованность во взаимодействии последнего. С другой стороны, политическая

деятельность не может не опираться на экономический базис¹. Такое взаимодействие естественно и ограничивается обществом лишь в своих крайних проявлениях (коррупция).

Практика показывает, что уровень материальной обеспеченности любого представителя политической элиты общества намного превышает уровень среднего класса. Нежелание политиков находиться в прямой зависимости, а также отсутствие прогнозируемых, стабильных политических перспектив стимулирует их прямо или опосредованно создавать собственную материальную базу. В этом случае благосостояние как универсальная витальная ценность индивида является необходимой предпосылкой достижения цели общественного признания (обладания политической властью). К сожалению, политическая деятельность объективно относит универсальные демократические ценности (свобода слова, совести, партий, национальный суверенитет и др.), ценности межличностного общения (порядочность, честность, бескорыстие) и ценности партикулярные (преданность обществу, привязанность к малой родине, семье) на второй план.

В случае, если основополагающей ценностью индивида является достижение определен-

¹ К примеру, приход к власти президента США Дж. Буша-младшего стал возможен благодаря поддержке техасского нефтяного лобби. Поддержка же была получена благодаря публично озвученным обещаниям разрешить промышленную разработку ископаемых на Аляске, которая является в США национальной заповедной зоной.

ного экономического уровня, на определенном этапе происходит переосмысление возможностей, средств, способов и в конечном итоге – целей. С одной стороны, самостоятельная политическая деятельность дает возможность бизнесу значительно сокращать издержки на поддержание политиков и является экономически обоснованной необходимостью. Это положение наглядно подтверждается анализом кадрового состава политической элиты современного кыргызского общества. С другой стороны – достижение экономических целей индивида побуждает его находить новые или переосмысливать прежние ценности. Как известно, деньги и власть – есть основные мотивационные посылки деятельности любого индивида, хоть сколько-нибудь обладающего амбициозностью. В этой связи наличие достаточного материального состояния, как правило, есть не только необходимым условием, но и предпосылка к стремлению индивида к достижению определенного политического социального статуса.

Такая тенденция несет в себе ряд опасностей для любого общества. Во-первых: никто и никогда сколько-нибудь аргументировано не оспорил известный тезис Карла Маркса о том, что “первоначальный капитал не может быть добыт честным путем”. Следовательно, как минимум, на первой стадии развития бизнес в той или иной степени нарушает закон. В той же работе Маркс говорит о степенях таких нарушений, крайней из которых является прибыль, ради получения которой “нет таких преступлений, на которые бы не пошел капитал”. Так можно ли к законодательской деятельности допускать людей, эти законы нарушающих, и можно ли назначать на должность губернатора (гаранта соблюдения закона на местном уровне) бизнесмена? Ответ очевиден.

Во-вторых: бизнесмен, облаченный политической властью, либо имеющий политическое влияние начинает не только лоббировать интересы собственного бизнеса, но и попросту игнорировать антимонопольное законодательство и расширять сферу собственных экономических интересов до крайних пределов в соответствии с уровнем интеллекта, амбиций, материальных возможностей, сторонних интересов и т.д.

Вопрос отделения бизнеса от политики решен в России в несколько жестком варианте. Вариантом решения стала вынужденная эмиграция ряда российских олигархов (Б. Березовского, М. Гуцериева, ряда совладельцев “ЮКОСа” и т.д.) или привлечение их к уголовной ответственности с дальнейшим осуждением на определенные сроки (М. Ходорковский). В результате в

кратчайшее время олигархические круги России были вынуждены принять правила, ограничивающие их вмешательство в политические процессы. Ограничения касаются, в первую очередь, возможности приобретения СМИ, работы на государственной должности, прямого вмешательства в законодательство и политические процессы.

Сегодня под политической сферой подразумевается государство и степень его вмешательства в экономические процессы. Это вмешательство вынуждает экономику обращаться к новым формам устройства собственности и хозяйствования, где роль сознательного, общественного фактора существенно повышается. Функции государственного регулирования конкуренции рынка стали приобретать общественный статус.

Вследствие этого усиление роли государства было объективно обусловлено именно необходимостью общественного регулирования воспроизводства капитала на макроуровне. Государство, во-первых, является общественным агентом, т.е. носителем законодательной и административной власти; во-вторых, располагает материальной и финансовой мощью, возможностью ее быстрого и эффективного расширения; в-третьих, традиционно является общественным центром. Эти данности позволяют государству активно вмешиваться в экономическую сферу. Тем более, оно должно это делать, если инициатива исходит из экономической системы.

Государственное вмешательство в экономические процессы обусловлено объективными обстоятельствами: “давлением отдельных социальных слоев, стремящихся с помощью государства решать собственнические и хозяйственные проблемы, укреплением господства или, наоборот, равенства и социальной справедливости; выполнением государством общественных функций, требующих крупных материальных и финансовых затрат, а иногда и действенного контроля над производством (в связи с обороной и ведением войн); стремлением самого государства к усилению своего влияния в обществе, в том числе и посредством контроля над хозяйством”¹.

Степень активности интереса к освоению хозяйственной сферы со стороны политической власти необходимо рассматривать с точки зрения парадигмальной гносео-методологической установки, согласно которой позитивное знание может быть получено как результат сугубо научного познания. Позитивистски ориентирован-

¹ *Осинов Ю.М.* Опыт философии хозяйства: хозяйство как феномен культуры и самоорганизующая система. – М., 1990. – С. 228–229.

ные экономисты за исходную методологическую посылку признают дуализм фактов и решений, сущего и должного, строго разграничивая позитивное и нормативное экономическое знание.

К примеру, известный философ и экономист Дж.Н. Кейнс-старший говорил о том, что функция политической экономии состоит в анализе фактов и выяснении их истинного значения, а не в предписании правил жизни. По его мнению, наука сама по себе не даёт моральной оценки и не говорит, что должно и чего не должно быть. В отличие от него Кейнс-младший декларировал экономическую науку как моральную дисциплину, часть этики, тем самым поставив под сомнение чёткое разграничение сущего и должного, теоретического и практического знаний.

До сегодняшнего дня не существует общепризнанных, четко определенных границ вмешательства государства в экономические процессы. Представляет интерес простая формула, выдвинутая в послевоенный период в Германии “Конкуренция – везде, где возможно, регулирование – везде, где необходимо”. Она отражает приближенную к идеальной диалектику взаимоотношений экономики и политики, указывает на те границы, которые переходить не следует ни той, ни другой стороне.

Выявить эти границы в конкретно-исторических условиях и в условиях конкретного национально-ментального государства можно только опытным путем. Только на основе опыта, а не внешне навязанных рекомендаций, обязательных для исполнения, можно помочь разрешить или не разрешить противоречие между объективным и субъективным, экономическим и политическим.

С точки зрения философии, проблема выглядит следующим образом: как целеполагания и их связи, другими словами, идеальная каузальность (причинность, причинная обусловленность) вписывается в общую схему материальных каузальных связей? То есть, как смыслообразующее содержание практики, состоящее в формировании цели как субъективно-идеального образа желаемого (целеформирование) и воплощении ее в объективно-реальном результате деятельности (целереализации) вписывается в систему случайных связей?

Вопросы соотнесения телеологического, политического и экономического рассматривает Д. Лукач в работе “Онтология общественного бытия”. В ней он ставит и пытается разрешить проблему: как конкретно понять характер объективных экономических каузальных целей и це-

лей субъективных политических целеполаганий в историческом процессе?

Ученый считает, что в общественном бытии не совершаются процессы собственно телеологического (целеполагающего) типа, целеполагающая деятельность не может упразднить причинный характер реальных процессов. Всякая попытка внедрить в природные (общественные) процессы “телеологическую интерпретацию” с неизбежностью ведет к установке чуждого природе “трансцендентного субъекта”. С онтологической точки зрения, это дает чистое, не оставляющее никаких сомнений разделение науки и религии. Что же собой представляет подобный “трансцендентный субъект”?

“Полагающий (цели) субъект, который был бы в состоянии превращать причинные процессы в телеологические, должен был бы обладать полностью трансцендентными по отношению ко всякому бытию существованием, всеведением и всемогуществом, следовательно, в своем бытии принадлежать типу иудейско-христианского божества”¹.

В докапиталистический период роль трансцендентного субъекта присваивала себе теократия. С начала двадцатого века и до сегодняшнего дня в отдельных странах с однопартийной политической системой таким субъектом является правящая партия (КПСС, КПК и т.д.). Взвзвешивая за превращение причинных процессов в телеологические, субъект пытается изменить основополагающее содержание, связи и структуры общественного бытия. Там, где преобладает религиозно-политическая инстанция, общество находится на докапиталистической стадии развития, т.е. в условиях нерасчлененного, слитного, синкретического бытия.

Под синкретизмом в широком смысле понимается стремление вернуться к прошлому, в частности в результате страха перед отпадением от целого, стремление возвратиться к тотему, к вождю, к социальному порядку. Именно это и составляет культурную основу синкретического государства, которое, несмотря на отход от синкретизма, тем не менее, пыталось на его культурной основе вернуться к обществу, где собственность, власть, жреческо-идеологические функции слиты в едином носителе. Сегодня возможность такого возврата представляется маловероятной, что, в конечном итоге, утверждает (по крайней мере, на ближайшую перспективу) доминирующее положение экономики над политикой.

¹ Лукач. Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. – М., 1991. – С. 363–364.